

РОЛИ ЮРИЯ ПОМЕРАНЦЕВА

В ПЕРВЫЕ я увидела Юрия Борисовича Померанцева в роли монаха Монтальчина в пьесе О. Окулевича «Джордано Бруно». Это был спектакль, по праву вошедший в золотой фонд Республиканского русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова. В нем счастливо соединились талант режиссера и художника с искусством и мастерством артистов. Но даже в этой блестящей и цельной работе театра исполнение Померанцевым роли Монтальчина стало событием. Страшный в своем фанатизме и одновременно жалкий бесплодностью, безнадежностью своих устремлений, образ этого человека стал символом обреченности Зла. Именно в этом была высокая человечность образа.

Поражала филигранная отточенность каждой детали, каждого жеста, всего того, что называют «приспособлением» актера к роли. А чуть позже был Шут в «Короле Лире» — худенький, седой, с печальными светлыми глазами. Не поймешь, чего больше, в его песнях и шутках: насмешки или печали... Был наш современник, колючий и ироничный, старый инженер Сартаков в пьесе «Советь», одинокий и порой беспомощный человек, но прежде всего честный и мужественный. А до этих ролей, ролей, сыгранных народным артистом Казахской ССР Ю. Б. Померанцевым в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, были десятки его других великолепных работ. Ведь за

тридцать лет жизни в искусстве Юрий Борисович сыграл около сотни ролей.

Простая, но впечатляющая арифметика: в жизни «длинной» в пятьдесят лет — тридцать отданы работе актера, двадцать из тридцати — театру драмы имени Лермонтова, а значит и нам, его зрителям.

Что отличает актерский почерк Померанцева? Глубокое проникновение в образ, тяготеющее к характерам эксцентрическим, порой чудачковатым, иногда к откровенному гротеску, острое чувство комедийности, тщательнейшая, можно сказать, скрупулезная подготовка к работе над ролью. В одном из интервью на вопрос «какими качествами, на ваш взгляд, помимо, разумеется, таланта, должен непременно обладать актер», — Юрий Борисович, не колеблясь, ответил: «трудолюбие».

Но если расшифровать этот краткий ответ, то окажется, что это не просто трудолюбие, а та жесткая самодисциплина, которая не позволяет артисту оставить сцену даже с высокой температурой...

В многообразии померанцевских ролей особое место занимает образ «рыцаря революции» — Феликса Эдмундовича Дзержинского, сыгранный им в спектакле «Шестое июля». Высокое мастерство в создании образа этого замечательного человека, сочетавшего непреклонную волю, бескомпромиссную целеустремленность с безграничной человеческой добротой, заслуженно принесло Юрию Борисовичу звание лауреата Государственной премии Казахской ССР.

Померанцева увлекают сложные, многогранные человеческие характеры, хотя роли бывают настолько разноплановы, что трудно представить одного и того же артиста их исполнителем. Тем не менее это именно так — например, Абай в одноименной трагедии и Дон-Кихот в пьесе «Дон-Кихот ведет бой». Абай Померанцева — человек высокой культуры и выдающегося ума, глубоко трагичный, как все, кто опережает свое время. Но плоть от плоти своего народа, он одновременно и прочно привязан к нему, к веку, в котором живет, своим

сомнениями, горестями, ошибками... И — мудрый ироничный старик Дон-Кихот, жизнелюбивый и юношески нетерпимый ко всякому злу. В герое Померанцева причудливо сочетаются драматизм и юмор, сказочность и реалистическая бытовая деталь, глубокий лиризм — с иронией, трагедия — с шуткой.

Тема «Дон-Кихота» по-особому родственна и близка Померанцеву. И совершенно справедливо театровед Б. Емельянов назвал свою статью (журнал «Театр» № 6, 1972 год) о последних работах артиста «Вариации на тему Дон-Кихота».

Прокурор Размадзе в спектакле «Мост», отстаивающий правое дело вопреки возможным осложнениям с высоким начальством, музыкант Сарафанов из «Свидания в предместье» — человек, для которого духовная свобода, духовные ценности, важнее общественного положения в мире и, наконец, герой мюзикла «Человек из Ла-Манчи», буквально «единственный в трех лицах»: Сервантеса, Дон-Кихота, гидальго Алон-

со Киханы. Что роднит всех этих непохожих людей в исполнении Померанцевым: прокурора Размадзе, кларнетиста Сарафанова, человека из Ла-Манчи? Свобода духа, светлое и вместе с тем ироничное начало в характере его героев.

— Из той же породы дон-кихотов, — говорит артист, — и мой новый герой Ник-Ник из одноименной румынской пьесы, над ролью которого я сейчас работаю. Он тоже мечтатель, но вместе с тем, он человек, умеющий реализовать свою мечту, он человек практического дела.

— На днях мы покажем новую работу, — продолжает Юрий Борисович, — «Госпожу министершу», в которой я играю Нинковича, «штатного любовника», «преподавателя хороших манер» всех прежних министерш, а также и героини пьесы. Меня привлекает в этой роли ее острая, откровенная комедийность. А когда не так давно я работал над образом Грозного в пьесе «Василиса Мелентьева», меня грела и занимала совсем иная задача — создать образ, отличный от хрестоматийного, как, впрочем, он и написан Островским, которому Грозный был интересен не столько как общественный деятель, руководитель государства, сколько как личность, как живой человек с его человеческими личными проблемами.

И все самые разноплановые образы, созданные Померанцевым, отмечены главным свойст-

вом его дарования — подлинно высоким артистизмом.

Было бы несправедливо не вспомнить в дни пятидесятилетия артиста его немногие, но запомнившиеся зрителям работы в кино — и обаятельного чудака, героя ленты «Наш милый доктор», археолога из «Земли отцов» (киностудия «Казахфильм»), и влюбленного в искусство революции энтузиаста, режиссера походного театра Чапаевского дивизии из «Орляк Чапаева» (киностудия имени Горького), и сухопарого, омерзительного в своей лакейской надменности предателя Власова из киноэпопеи «Освобождение» (киностудия «Мосфильм»).

Юрий Борисович Померанцев избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР, он член Художественного совета при Министерстве культуры Союза ССР, он не мыслит своей жизни без общественной деятельности. Но самый главный свой гражданский долг он выполняет ежедневно, выходя на сцену родного театра, ибо его искусство — пример высокой гражданственности художника.

Пятьдесят лет — это зрелость, опыт, мастерство, но это и юношеская самоотверженность в любимом деле. Пусть же большой, талантливый мастер театра Юрий Борисович Померанцев все в новых и новых спектаклях радуется нас своим редким и счастливым даром, своим высоким праздничным искусством.

Р. ТАМАРИНА.